

За каждым из 17-ти мгновений

— Леонид Сергеевич, что бы вы могли рассказать нашим читателям о себе?

— Если уж только очень коротко, чтоб никого не утомлять долгим жизнеописанием (все же человек я совсем не молодой, время катится к пятилетию!), могу сказать, что родился я в Киеве. Там жил до оккупации, потом с матерью мы переехали в Ташкент. Учился в школе рабочей молодежи и, конечно, работал. Для всех тогда было нелегкое время и для нашей семьи тоже. Потом театральный институт в Ташкенте и работа в театрах Магнитогорска и Оренбурга. Но тут меня снова потянуло поучиться, почувствовать, что не хватает чего-то весьма существенного. Закончил студию МХАТа и работал в театрах Грозного, Иркутска, Воронежа. А последние десять лет в Москве, в драматическом театре на Малой Бронной.

— Чем дороги вам эти годы работы в областных театрах?

— На сценах областных театров абыто самое необходимое для моей творческой жизни — актерское ремесло. Оно нелегко достается. Там работать надо оперативно. Семь-восемь новых ролей за сезон (это почти в два-три раза больше, чем в любом столичном театре). И каждую из этих ролей надо сделать.

Такой напряженный «тренаж» не дает вздохнуть в течение многих лет. Но именно он является прекрасной актерской школой. Школой, которая закаляет, шлифует в тебе лучшее, вырабатывает сценическую свободу, простоту, ясность.

И еще работа в областных театрах всегда способствует добрым, товарищеским отношениям внутри коллектива. Потому как без дружеской помощи и поддержки вынести этот ритм невозможно.

— А что вы больше всего цените в своей профессии?

— Она дает мне возможность прожить десятки самых невероятных, неожиданных жизней самых разных людей. Причем жизни и характеры людей тебе самому иногда совершенно несвойственные. Стать вдруг «фашистом», питая к фашизму только ненависть. Эта непостижимо огромная степень перевоплощения привлекает меня. Артист — это ступок человеческих характеров, поступков, ступок страстей, борьбы, ума, а иногда и зла и даже глупости... Это сложная, трудная и жестокая профессия.

— А случается, что в жизни вы бываете неудовлетворены собой, своими действиями?

— Когда я осторожно, что-то весьма существенное не

договариваю, а иногда и просто не могу сказать человеку правду в глаза. Это самое трудное для меня состояние, угнетающее. Я от этого мучаюсь, переживаю, всегда это происходит очень болезненно.

— А какие житейские ситуации вам особенно приятны и какие доставляют вам огорчения?

— Меня огорчает, когда в той или иной ситуации человек легок лишь на слово, а не на дело. Для меня сказать — значит поступить. Иначе в слабом обещательном пустословии утекает и сама жизнь, и доброе отношение к человеку, я теряю веру, и тебя уже всеерьез не трогают вещи чрезвычайно серьезные. Я ценю людей обязательных, ответственных. И стремлюсь, чтоб и у меня слово не расходилось с делом.

А приятно? Приятно, когда в той или иной ситуации сталкиваешься с бескорыстным, хорошим, товарищеским отношением. Оно ко многому обязывает, если не воспринимать его только потребительски.

— Всегда ли вы способны контролировать свое самочувствие? И в каком настроении чаще всего вы бываете?

— В юности я был человеком горячим, эмоционально восприимчивым. Да и сама профессия актера требует эмоций, страстей. И я легко поддавался чувству гнева, радости. Сам страдал, и другие страдали от моей неводержанности. Однако далеко не всегда мы имеем право «распускать» себя, лезть со своим настроением к другому человеку, вмешиваться, мельтешишь. Переделывать себя трудно. Но я рад, что с годами пришло это очень нужное каждому человеку чувство самоконтроля.

А в общем-то я от природы человек жизнестойкого настроения, оптимист. Я верю в человеческое счастье, добро, в человеческую дружбу и бескорыстность. И уважаю людей, которых отличают мягкость ума, бодрость, гибкость, жизнелюбие.

— Каким было ваше личное знакомство с фашизмом?

— Когда мы эвакуировались из Киева, наш эшелон обстреливали фашистские самолеты. Они пролетали низко и били из пулеметов по окнам. Я спрятался на полу под полкой. Мне было очень страшно. Это впечатление детства. А позднее рассказы моего старшего брата о войне. Он был снайпером и прошел всю войну. Ну а, конечно, книги, фильмы, сама жизнь наша, пронизанная наскоком войны и ненавистью к фашизму.

— Чем вы руководствовались, когда отыскивали наибо-

лее точные черты в характере Мюллера? Из чего асходили, формируя в своем сознании его звериную, нечеловеческую сущность?

— Видите ли, какая штука. При всей нечеловеческой звериной сущности своих действий Мюллер имел элементарные человеческие потребности, привычки. Он говорил, слушал, пил, ел, работал. Мог быть обаятельным, умным, простым и хитрым. Мог говорить тихо, спокойно, мог терпеливо слушать, мог подчиняться. Как много этих обычных, человеческих проявлений. И мне казалось, что их надо было воспроизвести, сыграть. Но сыграть так, чтобы внешняя человеческая жизнь этого фашиста обнажила его нутро. Ведь чем он внешне ведет себя человечнее, тем страшнее и коварнее выглядел сам фашизм, тем поразительнее неизгладимо в памяти людей его разоблачение.

Фашизм был сильным и коварным врагом, врагом опасным и совсем негнупым. Иначе не пришлось бы с ним столько воевать и столько потратить жизней на его уничтожение.

Мне казалось, что Мюллер — та фигура, которая является обобщенным образом врага, с которым пришлось воевать нашим солдатам, генералам, разведчикам во второй мировой войне. И чем опаснее, хитрее и умнее Мюллер, тем значительнее, весомее и ярче заслуги нашего разведчика, тем сильнее и впечатлительнее его борьба с фашизмом.

Оба они — и Штирлиц, и Мюллер, каждый по-своему — представляют «противоборствующие» силы, которым суждено было в решающей схватке выявить все свои волевые, нравственные, моральные качества, всю мощь ума и таланта... И только самый сильный мог взять верх в этой борьбе.

Образ Мюллера в фильме находится в постоянном становлении, в развитии от серии к серии. Он потихонечку, пологонечку обнаруживает себя. Мне вовсе не хотелось изобличать и разоблачать Мюллера с первых кадров. К изобличению надо было привести его через весь фильм, прожив с ним эту нелегкую, путаную жизнь врага. Только в этом случае возникает символически правдивая, яркая фигура фашиста, который вызывает у нас естественный интерес и естественное чувство отвращения и ненависти.

— Довольны ли вы своей работой в «Семнадцати мгновениях...»? Ведь по существу это была ваша первая большая роль в кино?

— Когда мы работали над фильмом, то еще трудно было понять и оценить, как что получается.

И, конечно, то, что я смотрел по телевидению вместе со всеми в течение двух августовских недель, меня очень интересовало. Интересовала и собственная работа, и в целом фильм, и работа моих товарищей. И чего греха таить, конечно, я волновалась. Роль-то уж больно ответственная, сложная.

Но я доволен, что многое из того, что мы задумывали с режиссером, в Мюллере получилось, многое точно обозначено. В жизни не осталось ни одной фотографии Мюллера, ни одного портрета, ни одного массового снимка с его участием. Так что в кино я его совершенно не знал. Это облегчало работу над образом, но и в то же время усложняло ее. Нет точного оригинала, а лишь историческое. И надо было очертить его по интуиции, по художественному домыслу очень точно, достоверно.

— Надеюсь, ваша следующая роль в кино будет уж вполне мирной...

— Я думаю, что никогда больше не буду играть роль, подобную Мюллеру. На мою жизнь этого, пожалуй, хватит. Так можно и зашампаньется. Все-таки фильм-то был многосерийный и, повторяю, совсем нелегкий.

А я больше люблю хороших, добрых, прекрасных, трудолюбивых людей. Люблю их самые-самые жизненные и человеческие желания и интересы.

В одном фильме, в котором сейчас снимаюсь, я играю повара в пионерском лагере. Роль эта эпизодическая, короткая, но интересная своим отношением к детям. В другом играю врача, который лечит людей лишь в силу того, что очень их любит. И считает, что главное не лечить, а любить. Тогда и лечение будет естественно и необходимо. А еще в одном фильме мне дали роль веселую и забавную, где я буду петь, играть (музыку и пением я увлекался всегда).

Так что довольно разнообразно. И это мне нравится.

— Леонид Сергеевич, какое чувство вы испытали, ощутив внимание к себе сразу восьмидесяти миллионами зрителей?

— Может быть, впервые я остро почувствовал и оценил, какая ответственность легла на мои плечи. Ведь каждая следующая роль должна быть сыграна не хуже, а лучше. А разочаровать людей так легко...

— Будем надеяться, что вам не придется разочаровывать...

— Хотелось бы, хотелось бы...

— Успехов Вам, Леонид Сергеевич. И спасибо за добрый разговор.

Беседу вел А. ЛАРИОНОВ.